

А. М. Молдован

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

alexandr.moldovan@gmail.com

ВАРИАТИВНОСТЬ СВЯЗКИ 1 Л. МН. Ч. В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Фиксируемая в древнерусских памятниках XI–XVII вв. широкая вариативность написаний бытийной связки настоящего времени 1 л. мн. ч. (**късмъ, късмы, късмь, късми, късмо, късма, късме, късма**) определялась разнообразными факторами, действовавшими на разных этапах истории русской письменности. Материалы корпусов древнерусских и старорусских текстов позволяют изучать условия и закономерности действия этих факторов. Особый интерес представляет форма *есмя*, отсутствующая в других славянских языках, которая получила широкое распространение в русской деловой письменности и гибридных разновидностях книжного языка XIV–XVII вв. В статье обосновывается гипотеза о том, что написание *есмя* отражает акающее произношение диалектной формы *есме*. Появившись в зоне аканья, *есмя* утвердилось в качестве письменной нормы Посольского приказа и потому получило распространение на всей территории Московского государства, включая те области, где аканья не было.

Ключевые слова: древнерусский язык, древнерусская письменность, история русского языка, историческая диалектология.

Презентная глагольная связка в форме 1 л. мн. ч., как известно, отличалась в древнерусском языке широким разнообразием окончаний. Письменные источники XI–XVII вв. фиксируют восемь (!) вариантов окончаний этой формы, в которых представлен почти весь репертуар гласных древнерусского языка: **късмъ, късмы, късмь, късми, късмо, късма, късме, късма**. Некоторые сведения об этих написаниях, собранные А. И. Соболевским, обычно приводятся в обзорах по древнерусской грамматике для иллюстрации наиболее заметных изменений форм спряжения, противопоставивших русский язык другим славянским языкам [Соболевский 1907: 161–162; Дурново 2000: 306–307; Кузнецов 1953: 206; Филин 1972: 463–468; Историческая грамматика 1982: 48–49 и др.]. Остаются, однако, в стороне вопросы, существенные для понимания эволюции этих форм, условий и закономерностей их использования. Возможность обращения к современным корпусам древнерусских

и старорусских текстов¹ открывает некоторую перспективу в изучении этих аспектов, хотя корпусные данные, к сожалению, еще далеки от необходимой степени полноты и репрезентативности. Кроме того, приходится считаться с тем, что презентные формы связки 1 л. мн. ч. редко встречаются в древних книжных текстах — во многих из них, в том числе больших рукописных книгах, отсутствуют контексты, в которых могли бы использоваться конструкции с этой связкой.

Старославянской нормой для глаголов в презенсе 1 мн. было окончание **-мъ** (**несемъ**, **хвалимъ**, **късмъ**, **дамъ** и т. п.)². В некоторых памятниках «старославянского канона» у нетематических глаголов 1 мн. отмечается окончание **-ѣ**, появление которого объясняется воздействием личного местоимения **мы**: **късмѣ**, **дамѣ**, **вѣмѣ** [Вайан 1952: 250]. Новое окончание позволило различать презентные формы нетематических глаголов 1 ед. и 1 мн., в которых после падения редуцированных совпали конечные **-мь** и **-мъ**. Характерно, что эта инновация отмечается в таких рукописях, как Клоцев сборник и Супрасльская рукопись, тогда как в старославянских евангелиях и псалтырях она практически отсутствует (единственное исключение написание — **мы вѣмѣ** в Зографском евангелии). В Клоцевом сборнике и Супрасльской рукописи окончание **-ѣ** в 1 мн. встречается не только у нетематических, но и у тематических глаголов, при этом не только в презенсе, но и в формах императива, сослагательного наклонения и аориста [Вайан 1952: 250; Селищев II, 1952: 157]: **да оувѣмѣ таинѣ** (Клоц. сб.), **накажемѣ**, **имамѣ** (Супр.), аор. **съвидоухомѣ**, **поманѣхумѣ** (Супр.) и др. В Изборнике 1073 г. словоформы на **-мѣ** представлены 57 примерами, в их числе 53 формы настоящего времени [Ралева 2013: 122]. По мнению авторов академической исторической грамматики древнеболгарского языка, непосредственным источником этой книжной инновации являются древние северо-восточные болгарские говоры [Грамматика на старобългарския език 1991: 285], хотя презентное окончание 1 мн. **-ту** представлено также в польском языке и лужицких и чешских говорах восточной Моравии [Селищев II, 1952: 157].

Несмотря на то, что связка настоящего времени в древнерусском языке на протяжении XI–XVII вв. постепенно утрачивалась, в формах 1-го и 2 л. она сохранялась в составе именных групп до XVI в. Это значит, что вплоть до этого времени употребление на письме глагольных связочных форм имело соответствие в живом языке писавших, и необходимые для этого орфографические правила усваивались писцами путем их соотнесения с особенностями устного языка.

В ранних памятниках древнерусской книжной письменности XI–XIII вв. в 1 мн. представлены старославянские написания **късмъ**, **късмь**, **късмѣ**³ (см. таблицу).

¹ В работе использованы материалы древнерусского и старорусского корпусов, входящих в состав Национального корпуса русского языка, а также текстов, доступных на портале «Манускрипт».

² При этом в болгарских диалектах того времени, несомненно, были и другие формы — прежде всего формы с окончанием **-ме**, о которых свидетельствуют данные среднеболгарских памятников и современных болгарских говоров [Селищев II, 1952: 156].

³ Здесь и далее в количественных данных учтены написания отрицательных форм **нѣсмъ**, **нѣсмѣ** и т. п.

	ѣсмѣ	ѣсмь	ѣсмы
Остромирово евангелие 1056–1057 гг.	–	3	–
Архангельское евангелие 1092 г.	2	1	–
Минея служебная на октябрь 1096 г.	1	2	–
Изборник 1073 г.	23	1	5
Изборник 1076 г.	2	1	–
Пандекты Антиоха (XI в.)	57	1	–
13 Слов Григория Богослова (XI в.)	3	–	1
Ильина книга (XI–XII в.)	1	–	–
Синайский патерик (XI–XII вв.)	5	–	–
Мстиславово евангелие (XI–XII в.)	5	–	–
Стихирарь по сп. Син. 279, XII в.	–	2	–
Триодь постная по сп. Син. 319, XII в.	–	2	–
Триодь цветная по сп. Син. Тип. 138, XI/XII в. и XIII в.	2	–	–
Триодь цветная нотирован. по сп. Воскр. 27, кон. XII в.	1	–	–
Чудеса Николы (XII в.)	2	–	1
Успенский сборник (XII–XIII вв.)	24	–	5
Троицкий сборник (XII–XIII вв.)	33	1	8
Софийский пролог. Синаксарь (XII–XIII в.)	1	–	–
Захариинский паримейник (1271 г.)	1	–	1

Написание 1 мн. **ѣсмѣ** сохраняется в древнерусской письменности в качестве нормативного приблизительно до XIII в. В рукописях XIV в. оно встречается уже существенно реже, а в более позднее время практически выходит из употребления.

В то же время, как показывают приведенные данные, орфографическое противопоставление презентных связок 1 ед. и 1 мн. даже в древнюю эпоху не было вполне строгим. В частности, в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. написание **ѣсмѣ** вообще отсутствует, а единая форма **ѣсмь** используется и для 1 ед. (78х), и для 1 мн. (3х).

После падения редуцированных и отвердения конечного [м'] в древнерусском языке утратились фонологические условия для орфографического противопоставления 1 ед. **ѣсмь** и 1 мн. **ѣсмѣ**. При отсутствии у писца возможности опереться на произношение этих форм в живом языке увеличивалась вероятность неправильных написаний. Написание **ѣсмь** в значении 1 мн. встречается даже в тех рукописях XIII–XV вв., в которых уже отсутствует **ѣсмѣ** и в основном используется **ѣсмы** и другие формы: Новгородская I летопись по Синодальному списку (**ѣсмь** 1х, наряду с **ѣсмы** 3х и **ѣсме** 6х), Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (**ѣсмь** 1х, наряду с **ѣсмы** 11х, **нѣсмы** 2х, **ѣсми** 4х и **ѣсме** 2х), Киевская летопись по Ипатьевскому списку (**ѣсмь** 7х, наряду с **ѣсмы** 37х и **ѣсми** 3х), Галицкая летопись (**ѣсмь** 1х, **ѣсмы** 5х), Волынская летопись (**ѣсмь** 1х, **ѣсмы** 2х), «Пчела» (**ѣсмь** 1х, **ѣсмы** 22х) и др. [НКРЯ]. И наоборот, в некоторых других

рукописях XIV–XV вв. встречается написание **ѣсмъ** в значении 1 ед.⁴ Например, в древнейшем списке «Жития Андрея Юродивого» (РГАДА, Син. тип. 182), относящемуся к кон. XIV в., и сделанной с него копии XV в. (РНБ, Сол. 216) написание **ѣсмъ** 6 раз употреблено в значении 1 ед. (наряду с **ѣсмь** 70х) и только 3 раза — в старом значении 1 мн. (наряду с более частотным **ѣсмь** — 12х, **ѣсмы** — 4х, **ѣсме** — 3х):

ѣсмъ		ѣсмь		ѣсмы	ѣсме
1 ед.	1 мн.	1 ед.	1 мн.		
6	3	70	12	4	3

Большое количество написаний **ѣсмъ** (с орфографическим вариантом **ѣсмо**) в значении 1 ед. содержится в новгородских берестяных грамотах [ДНД: 714–715]. Тем не менее в большинстве рукописей противопоставление написаний 1 мн. **ѣсмъ** и 1 ед. **ѣсмь** сохраняется в списках приблизительно до рубежа XII–XIII вв.

С середины XIV в. в небогослужебных текстах в форме 1 мн. sporadически встречается написание **ѣсми**, которое в качестве диалектного варианта **ѣсмь** в основном было связкой 1 ед. Древнейший пример употребления **ѣсми** в значении 1 мн. (наряду с **ѣсмы**) обнаруживается в Послании Василия Калики Феодору Тверскому о рае (1347):

Тѣмь, еже изысках, и се пишу к тебѣ, понеже, брате, по Божию повелѣнью, должни **ѣсми** другъ къ другу посланиа творити о исправленыхъ намъ Божественных писаний отъ святых апостоль и великих святитель, якоже бо тѣ святии апостоли бес престаниа посланиа творяху другъ къ другу, такоже и намъ подобно есть, в нихъ бо мѣсто поставлени **ѣсмы** [НКРЯ].

Исключительно в значении 1 мн. **ѣсми** используется в «Задонщине» (4х): **ѣсми** были, правнуки **ѣсми**, сами себѣ **ѣсми** два брата, **ѣсми** ... добыли.

Смешение 1 ед. и 1 мн. в употреблении формы **ѣсмь** и **ѣсми** часто встречается в летописях:

	ѣсмь		ѣсми		ѣсмы	ѣсме
	1 ед.	1 мн.	1 ед.	1 мн.		
Повесть временных лет (Ипат.)	20х	1х	–	4х	13х	2х
Киевская летопись (Ипат.)	96х	7х	12х	3х	37х	10х
Новгородская Карамзинская летопись, 2-я выборка (до 1428 г.)	14х	–	2х	1х	–	1х
Псковская 3-я летопись, Строевский список (1400–1568)	5х	–	2х	1х	1х	1х

Очень часто форма **ѣсми** используется в значении 1 мн. в Сербской «Александрии» (русский список XV в.): из 35 примеров употребления формы **ѣсми** 21 пример — 1 ед., а 14 — 1 мн. (умерли **ѣсми**, доволни... **ѣсми**, разорили **ѣсми**, прияли **ѣсми** (5х), водимы **ѣсми**, дошли **ѣсми**, видели **ѣсми** и т. п.).

⁴ По мнению авторов академической «Исторической грамматики», такие написания в списках XII–XV вв. отражают «или отверждение согласного [м'] после утраты конечного редуцированного

Столь большое количество примеров девиантного употребления форм **ѣсмь** и **ѣсми** в значении 1 мн. не может быть объяснено только ошибками или описками писцов, а, по-видимому, свидетельствуют о сближении форм 1 мн. и 1 ед. у этого глагола⁵.

С другой стороны, разнообразные коммуникативные ситуации требовали однозначного указания на агенса (прежде всего в деловых документах). Поэтому необходимость в формальном противопоставлении презенсных связок 1 мн. и 1 ед. все же должна была сохраняться. Выражением этой необходимости стало постепенное увеличение в русской книжной традиции числа написаний 1 мн. **късмы**. Эта форма не засвидетельствована в современных русских говорах, и нет данных о том, чтобы эта книжная инновация имела какое-то соответствие в живой древнерусской речи⁶. Но древнерусские книжники, издавна встречавшие в староболгарских источниках написание **късмы**, несомненно, улавливали его связь с личным местоимением **мы** и не могли не видеть в этом его очевидного преимущества перед написаниями **късмъ** и **късмь**. С XIV в. у некоторых писцов написание 1 мн. **късмы** фиксируется в качестве новой нормы. Например, в Лаврентьевской летописи 1377 г. наблюдается четкое распределение форм 1 ед. **късмъ** (26х) и 1 мн. **късмы** (30х). Но в целом экспансия написаний **късмы** при копировании древнерусских рукописей происходила не быстро. В 16-ти Словах Григория Богослова с Толкованиями Никиты Ираклийского по рукописи XIV в. (ГИМ, Син. 43), полностью написанной одним писцом, в тексте Слов Григория в значении 1 мн. используются только **късмъ** (4х) и **късмь** (7х), при этом отсутствует форма **късмы**⁷. А инкорпорированные в текст этих Слов и переписанные тем же писцом Толкования Никиты Ираклийского в 1 мн. содержат существенно меньше написаний с **-мъ** и **-мь** (**късмъ** 1х, **късмь** 4х); в основном в них используется **късмы** (29х), которое, следовательно, должно быть отнесено к орфографии антиграфа этой рукописи, а возможно, и к архетипу славянского перевода Толкований (1-я пол. XII в.). Между прочим, этот пример демонстрирует различие в орфографических стратегиях, с одной стороны, простых переписчиков, нередко сохранявших написание более древних антиграфов, а с другой — авторов оригинальных текстов и переводов, более последовательно отражавших в своей работе языковые инновации.

переднего образования, или неразвития мягкости губного перед [ь] в эпоху смягчения полумягких, в силу чего после утраты [ь] на конце слова автоматически появился твердый [м]» [Историческая грамматика 1982: 48].

⁵ Ср. аналогичное замечание А. А. Зализняка относительно трех примеров употребления **късми** в значении 1 мн. в новгородских берестяных грамотах № 370 (2х) и № 20 [ДНД: 139].

⁶ Написание **ѣсмы** встречается только в двух берестяных грамотах XII века — № 872 и Город. 1. Первая из них происходит с востока Новгородской земли, а вторая ориентирована на наддialeктные нормы [ДНД: 139].

⁷ Интересно, что даже в том месте текста, где древнейший список 13 Слов Григория Богослова (XI в.) содержит единственное написание **ѣсмъ** (л. 1в), в этой рукописи XIV в. ему соответствует написание **късмь** (л. 39а).

Начиная с XV в. **єсмь** становится основной формой 1 мн. в церковнославянских текстах и сохраняет этот статус на протяжении всей дальнейшей истории церковнославянского языка вплоть до новейшего времени.

Изменение письменной нормы употребления связки 1 мн., постепенно сдвигавшейся от **єсмъ** к **єсмь**, затронуло прежде всего канонические церковнославянские тексты и отчасти — ориентированные на них гибридные по языку древнерусские переводные и оригинальные произведения.

Традиции деловой и бытовой письменности формировали свои нормы, которые в гораздо большей степени определялись диалектными особенностями языка писавших. Так, в бытовых памятниках древненовгородского ареала для презентной связки 1 мн. издавна использовалось **кѣсмѣ**⁸, противопоставленное 1 ед. **кѣсмь** (вар. **кѣсмн**). Эта диалектная норма фиксируется в новгородских берестяных грамотах со 2-й четверти XII в.: **се єсмє слы[шали]** № 870 (1120–1140); **ѡшелѣ ти єсмє** № 1007 (1140–1155); **забыли єсмє гюрьгєви** № 854 (1140–1160); **(ст)[орови] ти єсмє вохє** № 670 (1180–1200); **кѣсмє гнѣ погивли** № 361 (кон. XIV в.); **пришвижени кѣсмь... а сами кѣсмь...** № 248 (60-е — 90-е гг. XIV в.); **пошли єсмє** № 929 (1430–1450) и др. [ДНД: 715], а также в некоторых пергаменных грамотах — грамоте рижан в Витебск ок. 1300 г., грамоте Витовта 1399 г. и др. [Соболевский 1907: 161]. Использование **кѣсмѣ** в бытовой сфере оказывало заметное влияние и на книжную новгородско-псковскую традицию, где **кѣсмѣ** встречается с XIII в.: в Лобковском Прологе 1262 г. (10х), Псковском апостоле 1307 г. [Соболевский 1907: 161–162], Новгородской I летописи по Синодальному списку (6х, наряду с **кѣсмь** 3х и **кѣсмь** 1х) и др. В книжных текстах форма **кѣсмѣ** чаще всего используется в составе прямой речи светских лиц; хотя строгого функционального распределения написаний **кѣсмѣ** vs **кѣсмь** не наблюдается. Например, имеющиеся в Повести временных лет по Ипатьевскому списку примеры употребления **кѣсмѣ** (2х) содержатся в составе авторской речи летописца: **словѣньскѣ яззыкѣ оучитель єсть павелѣ. ѡ негоже яззыка и мы єсмє рѣсь. тѣмже и намъ рѣси оучитель єсть. павелѣ аплѣ; тѣмже и мы должни єсмє. хранити достоинно стрѣца хѣва.** В Киевской летописи, напротив, все примеры употребления **єсмѣ** (10х) содержатся исключительно в составе прямой речи светских персонажей. Правда, в Киевской летописи и другие формы 1 мн. также встречаются преимущественно в прямой речи светских лиц: все примеры употребления 1 мн. **єсмь** (7х) и **єсмн** (3х), а также преобладающая часть примеров употребления **єсмь** (37х). Некоторое количество примеров употребления 1 мн. **кѣсмѣ** встречается в «Житии Андрея Юродивого» (3х), «Житии Василия Нового» (1х), Псковской 1-й летописи по Погодинскому списку (1х), Псковской 2-й летописи (2х), Псковской 3-й летописи по Строевскому списку (1х) и других летописях, грамотах, повестях и «словах» и т. п. В Старорусском подкорпусе НКРЯ зафиксировано 39 примеров использования **кѣсмѣ** в 17 документах различных жанров (правовые

⁸ Формы на *-ме* имеются также в средне- и новоболгарском, чешском и словацком языках и в закарпатских украинских говорах. По мнению Ф. Кортланда, гласная в окончании 1 мн. *єсмє* была взята из окончания 2 мн. *-те (єсте)*, чтобы избежать омонимии окончаний 1 ед. и 1 мн. [Kortland 1979: 63].

документы, летописи, повести, «слова» и др.). Больше всего примеров — 16 — содержится в Новгородской V летописи (1550 г.). А. И. Соболевский обнаружил **нѣсмѣ** в евангелии 1358 г., написанном в Московской области [Соболевский 1907: 161], однако в основном употребление **късмѣ** не выходит за пределы новгородско-псковского региона и даже в этих границах не было книжной нормой.

Иную судьбу имела диалектная форма 1 мн. **ѣсмѧ**, получившая в русской деловой письменности и гибридных разновидностях книжного языка широкое распространение и ставшая ярким маркером русского письма XIV–XVII вв. В других славянских языках эта форма отсутствует.

Наиболее ранние написания **ѣсмѧ** встречаются в договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готландом о пограбленном разбойниками товаре (1373 г.)⁹. В этой небольшой грамоте *ѣсмѧ* представлено **пятью** примерами, это явно свидетельствует о нормативности его написания:

От архиепископа новгородьского владыкы Олексъѧ, от посадника Юргѧ, от тысяцкого Матфѧ, от всего Новагорода о той жалобѣ, что у насъ былѣ на любцянь и на годьцкѣ бережанѣ. Что взялѣ у насъ товарь передѣ Невою розбоиникы, той товарь творилѣ **ѣсмѧ** въ ихъ городѣхъ. Тако и тыи товарь, что у Стеколмѣ взялѣ, такоже **ѣсмѧ** творилѣ во ихъ городѣхъ, в Любкѣ да у Гочкого берега. То **ѣсмѧ** с ними доконцялѣ с ними правдою, какъми и наши: с тыхъ **ѣсмѧ** спустилѣ на зень, что ни в которое веремѧ не поминать. То **ѣсмѧ** доконцялѣ с посломѣ съ Яковомѣ и съ Иваномѣ из Любка, да съ Григорьѣю да съ Иваномѣ из Гоцкого берега. На томѣ Яковѣ да Иванѣ из Любка, да Григорѣи да Иванѣ из Гоцкого берега хрьстѣ цѣловалѣ про тыи товарь, безѣ хытрости [ГВНП, №45].

К концу XIV в. можно отнести употребление *ѣсма* в грамоте о «докончании» Дмитрия Донского с Олегом рязанским 1382 г., сохранившейся в копии 1401–1402 гг. и во множестве более поздних копий: **ѣсма целовали крѣтъ** [Дух. и дог. гр. 1950: 30]. С XV в. число примеров употребления *ѣсма* возрастает: оно встречается в грамоте новгородского посадника Александра Фоминича в Ригу, ок. 1400 г. (*послали ѣсма к вамъ бориса кижанинова про его обиду*) [Хрест. 1: 144]; грамоте Великого Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой (Гинце Сассенбеке) и его братом Артемием (Гертеке), орденским переводчиком, по жалобе новгородца Александра Трифонова сына в неуплате 50 рублей, 1418–1421 гг. (*А послали ѣсмѧ к вамъ сю грамоту съ Олексъемѣ с поповцемѣ*) [ГВНП, №58]; так называемом Списке убытков новгородцев, 1412 г. (**сѣдѣ ѣсма** [= [мы] сѣдѣлѣ

⁹ Написание **ѣсма** встречается под 1279 г. в Волынской летописи по Ипатьевскому списку: *Голодѣ бы по всен землѣ. и в роуци и в лѧхѣ. и в литвѣ и въ патвалзѣхъ. посем же патвалзѣ прислаша. послѣти своя к володимирови. тако рекоуче. гнѣ княже володимере. пригѣхали ѣсма к товѣ. ѡто всиухъ патвалзѣ. надѣючесь на <...> бѣ. и на твое здоровнѣ.* Однако это **ѣсма**, вероятней всего, принадлежит писцу Ипатьевского списка, датированного 1420-ми гг., а не архетипу сообщения, т. к. в Хлебниковском и Погодинском списках ему соответствует **ѣсмы**: *приѣхали ѣсмы к товѣ* [ПСРЛ II: 879].

есма — *А. М.*) [ДНД: 687] и др. В Старорусском подкорпусе НКРЯ *есмя* представлено 1755 примерами в 532 документах XV–XVII вв. Почти все они связаны с территориями среднерусских акающих говоров — псковских, тверских, московских и рязанских. Наибольшее количество — 640 примеров — содержат разнообразные грамоты, монастырские записи, посольские отчеты и другие официальные документы. В частности, впечатляющую статистику дает употребление *есмя* в посольских книгах. Так, в Посольской книге по связям Московского государства с Ногайской Ордой в 1 мн. используется исключительно *есмя*: в 4-й книге (1551–1556 гг.) оно употреблено 275 раз, а в 5-й (1557–1561 гг.) — 151 раз. Среди примеров преобладают конструкции с –л-причастием, и в подавляющем числе случаев *есмя* находится в контактной постпозиции к –л-причастию — 518 примеров. Наиболее частотным является словосочетание *дали есмя*, представленное более чем в 200 примерах. Кроме того, в этой конструкции используются л-словоформы *купили, велѣли, взяли, мѣнили, промѣнили, мѣняли, вымѣнили, вымѣняли, запечатали, кончали, дѣлали, розъехали, пожаловали* и др.

Обращает на себя внимание четкое распределение в посольских книгах форм 1 ед. *есми* и 1 мн. *есмя*:

	1 ед. есми	1 мн. есмя
Посольская книга по связям Моск. гос-ва с Ногайской Ордой. Кн. 4-я. 1551–1556 гг.	202х	275х
Посольская книга по связям Моск. гос-ва с Ногайской Ордой. Кн. 5-я. 1557–1561 гг.	157х	151х

По-видимому, практика деловой письменности, санкционировавшая употребление диалектной формы *есмя*, способствовала тому, что ее использование приобрело более широкое нормативное значение. С XV в. *есмя* распространяется в летописных текстах: Новгородской Карамзинской летописи (8х); Псковской 1 летописи по Тихановскому списку (2х) и по Погодинскому списку (4х); Псковской 3 летописи по Архивскому (1х) и Строевскому (1х) спискам и др. Особенно часто написание *есмя* используют Никоновская летопись и Московский летописный свод:

	<i>есмы</i>	<i>есмя</i>
Никоновская летопись (859–1176 гг.)	12х	10х
Никоновская летопись (1176–1362 гг.)	2х	23х
Никоновская летопись (1362–1424 гг.)	13х	19х
Никоновская летопись (1425–1506 гг.)	15х	13х
Моск. летописный свод (1560–1570)	61х	18х

Среди художественных текстов XV–XVI вв., в которых употребляется *есмя*, — такие известные произведения, как «Задонщина» (3х, наряду с *есми* 4х), «Сказание о Мамаевом побоище» (5х, наряду с *есмы* 2х и *есми* 1х); «Сказание о князьях Владимирских» (1х, наряду с *есмо* 1х), «Хождение на Флорентийский собор» (6х, наряду с *есмы* 1х и *есми* 3х) и др.; сочинения известных авторов: Афанасия

Никитина, Нила Сорского, Геннадия Гонзова, Иосифа Волоцкого, Ивана Грозного, Андрея Курбского, Арсения Суханова и др. У Ивана Грозного встречаются четыре формы 1 мн. — *есмы, есми, есмо* и *есмя*, распределенных стилистически. При этом *есмя* значительно преобладает:

	<i>есмы</i>	<i>есми</i>	<i>есмо</i>	<i>есмя</i>
1-е послание Курбскому (1564)	—	3	—	11
2-е послание Курбскому (1577)	1	—	—	—
Послание в Кир.-Белоз. монастырь (1573)	—	—	—	7
Ответ Яну Роките (1570)	2	2	—	1
Послание Стефану Баторию (1579)	—	—	4	3
Послание Стефану Баторию (1581)	—	—	—	19
Послание английской королеве Елизавете I (1570)	—	—	—	18
Послание шведскому королю Юхану III (1572)	—	—	—	5
Послание шведскому королю Юхану III (1573)	—	—	—	10
Послание Александру Полубенскому (1577)	—	—	—	1

Существенно, что во многих этих произведениях *есмя* используется не спорадически, а последовательно, и, значит, является нормой для авторов и переписчиков этой эпохи. При этом, как правило (хотя и не всегда), соблюдается распределение форм 1 ед. и 1 мн. Так, абсолютно четкое противопоставление этих форм, подобное тому, которое наблюдается в Посольских книгах, обнаруживается в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина по списку XVI в.: 1 ед. — **есми** (28х) и **есмы** (3х), а 1 мн. — только **есма** (19х).

Наблюдение над списками летописей и других гибридных по языку текстов показывает, что различные формы связки 1 мн. принадлежат в них чаще переписчику, чем оригиналу текста. В частности, в поздних летописях (Никоновской, Вологодско-Пермской и т. п.) написание *есмя* во множестве встречается не только при описании современных летописцу событий, но и в древних частях, относящихся к домонгольскому периоду. Это значит, что употребление той или иной формы определялось орфографической выучкой писца в большей степени, чем влиянием антиграфа. Такая выучка была особенно характерна для писцов Посольского приказа. К концу XVI в. приказные нормы письменного языка широко распространились на всей территории Московской Руси, включая сюда и отдаленные сибирские окраины [Черных 1958: 140]. Авторитет Посольского приказа обеспечивал использование *есмя* в документах, относящихся к различным сферам деятельности Московского государства, в статусе общерусской нормы.

В XIV–XVII вв. форма *есмя* проникала и в списки церковнославянских текстов стандартного регистра при их копировании. Например, в московском Евангелии Успенского собора Соболевским отмечено: **сѣма овраамле есма** 15 об. [Соболевский 1907: 162]. В списке кормчей XVI в., который использовался Бенешевичем для различий с Ефремовской кормчей, написанию Ефремовской кормчей **дѣлжени есмъ** соответствует **дѣлжени есма** [Бенешевич 1906–1907]. Это, по-видимому, является закономерным следствием того, что книгописанием

в XV–XVI вв. занималось большое количество светских писцов, в том числе служащих Посольского приказа [Костюхина 1974: 14]¹⁰.

Касаясь вопроса о происхождении формы **късмѧ**, А. И. Соболевский писал, что оно «неясно», и продолжал: «но во всяком случае она не может быть объясняема из **късмѣ**, так как переход конечного ударяемого *e* в *a* ни в новгородском, ни в московском говорах никогда не был известен (ср. в тех же старых памятниках, где *есмя*, постоянное сохранение *e* в *есте*; *естя* — по образу *есмя* — появилось не раньше XV в. (грамота 1503 г. Ак. Юр. 18)» [Соболевский 1907: 162]. Мнение о том, что *есмя* — «неясная форма», повторяется в других работах, авторы которых, опираясь на материалы А. И. Соболевского, не подвергали сомнению высказанные им соображения [Филин 1972: 466; Ист. гр. 1982: 49 и др.]. Между тем нет никаких оснований считать, что окончание в форме **късмѧ** было полноударным, поскольку словоформы настоящего времени глагола *быти* представляли собой, по выражению А. Вайана, «полуэнклитики» [Вайан 1952: 412], то есть в функции связок имели статус энклитик, хотя в неслужебном значении («существовать, иметься», «пробывать, находиться») вели себя как акцентно самостоятельные [Зализняк 2008: 221]. Поэтому Н. Н. Дурново полагал, что *есмя* «получилась вследствие фонетического перехода конечного *e* в *a* в сл а б о у д а р я е м о м (разрядка наша — *А. М.*) положении (ср. такое же *a* в в.-р. *меня, тебя, себя*)» [Дурново 2000: 306–307]. Что касается указания А. И. Соболевского на отсутствие *естя* в тех древнейших памятниках, в которых появлялось *есмя*, то и оно не может быть принято по причине крайней малочисленности соответствующих данных. Наиболее ранняя фиксация *естя* относится к 1-й половине XV в., и в дальнейшем оно встречается несопоставимо реже, чем *есмя*¹¹ и только в текстах, отражающих аканье. Предположение А. И. Соболевского об аналогическом изменении *есте* в *естя* под влиянием *есмя* не подтверждается и данными псковских говоров, в которых фиксируется форма 3 ед. *ѣсь* (см. ниже), представляющая собой результат фонетического изменения *есть* > *есь* в условиях аканья. Связка *естя* фиксируется приблизительно с того же времени, что и *есмя*, и ограничено общей с *есмя* диалектной территорией. Поэтому более вероятно, что их появление было вызвано фонетическими причинами.

Фонетическое объяснение происхождения *есмя* из *есме* хорошо согласуется с географией распространения *есмя*. В новгородских берестяных грамотах, отражающих новгородский диалект «в узком смысле», в 1 мн. зафиксировано только **късмѣ** (6х, см. выше), форма **късмѧ** «не встретилась» [ДНД: 139]. В отличие от нормы новгородской бытовой письменности, норма новгородских пергаменных документов формировалась, по-видимому, под влиянием акающей части новгородско-псковских говоров. И это, в свою очередь, объясняет относительную малочисленность примеров отражения на письме диалектного *есме*, которое поддерживалось

¹⁰ В XVII в. процент светских писцов по датированным рукописям достигает 45% [Костюхина 1974: 15] — в частности в Посольском приказе — притом что основной работой этих писцов было написание жалованных и иных грамот [Там же: 16].

¹¹ Старорусский подкорпус НКРЯ содержит лишь 151 пример употребления *естя*.

произношением только в восточной, окающей части новгородско-псковских говоров, тогда как в условиях аканья оно произносилось и записывалось как *есмя*. То, как это происходило, наглядно иллюстрируют региональные варианты списков Новгородской I летописи: под 1216 г. в Синодальном списке написано: *а крѣви не проливаимѣ*. В Комиссионном списке (40 гг. XV в.) — *не проливаимя* [Зализняк 2007: 41].

Говоря о «слабоударяемом положении», в котором конечное *-е* в *есме* переходило в *-я*, Н. Н. Дурново, по-видимому, имел в виду то, о чем позднее написал А. А. Зализняк [2008: 221]: «Двусложные словоформы вообще склонны к тому, чтобы даже в позициях, где они утрачивают нормальное ударение, все же сохранять некоторое ослабленное ударение (как это происходит, например, с современными *ему, его, было*)». По-видимому, этот ослабленный характер ударения на двусложной энклитике отражают единичные примеры его обозначения посредством «тупого» ударения на окончании (*есмя*) в акцентуированных рукописях XVII в. [Там же: 334].

На возможность древнего ударения *ѣсмя* косвенно указывает реликтовое употребление *ѣстя* в современных северных и среднерусских говорах на территории Северо-Запада. Эта словоформа выступает в разных грамматических значениях — 3 мн., 3 ед. и 1 мн.: *Ѣстя те жь мѣсныи жьытили устроѣишы и карѣф имеют; Приѣхашы-та дачники тожа ѣстыя; Кино нынче ѣстя?; Дяйствительна, ѣся такая дяревня* и др. [Псков. обл. сл, 2: 236–239]; *Она естя вепс; Она здешняя естя; Племянник естя полковник; Отец-то еговый естя с-под Костромы; там очень хорошо естя — где магазин; А посконь в конопле естя, как лен; Василий работал естя; Може, естя не пустят (мальчика в кино) — не детское* [Кузьмина, Немченко 1968: 150–153]; *Да почто он пришоцчи естя?; Мы не ездивши естя со своей деревни; Рожь-то естя выжата; Сын естя померши; Мы развешши естя в 34 году; там, наверно, забравши уже естя куры; Жена его естя секретарем; Отец-то еговый естя с-под Костромы; Здесь красиво естя, воздух чистый* [Кузьмина, Немченко 1971: 181, 191]. В части этих примеров представлено полнозначное употребление глагола *есть* как акцентно самостоятельной словоформы, которую не всегда удается отличить от связки. Впрочем, строгое разграничение этих употреблений в данном случае не требуется, потому что ударение в полноударных словоформах в любом случае оказывало влияние на ударение в аналогичных связках, и связки не в полной мере утрачивали то ударение, которое имела соответствующая словоформа в качестве полнозначного глагола [Зализняк 2008: 224]. Приведенные выше акцентуированные материалы «Псковского областного словаря» свидетельствуют о том, что ударение в *ѣстя* было на первом слоге. На это указывает и диалектная вариативность форм *есть, есь, е, ести, есте* и *естя* в одинаковых синтаксических конструкциях, которые свободно чередуются в речи информантов: *Гумно на память-то оставши есть; Ребята есть курят; Пасет коров ходит есть; Тамочка есть речка была; Она немножко есть рехнувши; Он померши есть; Я съездила есь в город; Его сестра мне-ка золовка есь; Посконь раньне сохне, с зерном конопля есь; Погибши сын у меня е; тут медведь е рывши; как на оборты ходят, так еле живеньки е ставши; Она же здесь вышевши есте (замуж);*

А кромок — у платка **ести**, вот эта и др. [Кузьмина, Немченко 1971: 181]. В свою очередь, ударение *эстя* делает весьма вероятным аналогичное ударение *эсмя*.

Таким образом, можно полагать, что форма *есмя* представляет собой отражение на письме акающего произношения *есме*. Появившись в зоне аканья, она стала письменной нормой Посольского приказа и потому получила распространение на всей территории Московского государства, включая те области, где аканья не было. Помимо ориентации писцов на нормы Посольского приказа, распространению этой формы за пределами акающей зоны могло способствовать то, что она обеспечила противопоставление связок 1 мн. и 1 ед. ч., что было особенно актуально для деловых и официальных документов. Заметим, что *эстя* в таком качестве морфологически не требовалось, т. к. во 2 л. формы единственного числа (*еси*) и множественного (*есте*) различались достаточно хорошо, и поэтому тексты, в которых встречается написание *эстя*, ограничиваются территорией аканья.

Форма *есмя* активно употреблялась в русских документах на протяжении почти четырех веков: самый поздний пример употребления *есмя* в Старорусском подкорпусе НКРЯ датирован 1668 г. Приблизительно в это время в русском языке в целом завершается процесс вытеснения связок личными местоимениями. В источниках XVIII в. *есмя* уже не встречается.

Влиянием аканья объясняется и форма *есма* (из *есмо*), распространенная в белорусских говорах, которая встречается и в некоторых русских документах. По данным Старорусского корпуса, эта форма, встречается 8 раз в шести документах. В пяти из них она используется в значении 1 мн.:

- *Приехали есма въ Трокы* [Хождение на Флорентийский собор (1437–1440)];
- *А купили есма те земли* [Купчая с отводом старца Гурия Старого, казначея Герасима Ленкова и др. на купленное у Ивана Иванова с. Кувшина-Заболоцкого с. Ангелово в Горетовск. стану Московск. у. (1532.06.10)];
- *И от тое реки или есма войском 8 дней полями дикими и дубровами, нѣгдѣ же и лесеми* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583)];
- *бронилися есма имѣ* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583)];
- *всяко благодарим Бога, иже есма, за благодатию его, от младости нашей во Священных Писаниях по силе нашей научени* [Андрей Курбский. Послание Кодиану Чапличу (1564–1583)].

В трех случаях *есма* выступает в качестве связки 1 ед.:

- *Аки бы рекль: «Не возмогль есма вас мучити»* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583)];
- *Се яз, Юрьи Данилов сын Скрыпеев, дал есма в дом великим страсто-терпцем христовым Борису и Глебу в манастырь в Муромском уезде в Куземском стану вотчину* [Данная Юрия Данилова сына Скрыпеева Борисогл.

монастырю на половину д. Прудец в Куземском ст. Муромского у. (1575–1576)];

— *И в том есма яз, Иван Суботин сын Чегодаев, дал сю память в дом великих страстотерпец Бориса и Глеба строителю Захарью Ржевскому з братьею за своею рукою* [Данная («память») Ивана Субботина сына Чегодаева строителю Борисогл. монастыря Захарию Ржевскому на двор на Кулишках в Москве (1603–1604)].

Сама форма 1 мн. **єсмо**, которая характерна для ряда славянских языков (средне- и новоболгарского, древнесербского и современного сербского, хорватского, словенского и словацкого языков, а также для украинских говоров), сравнительно редко встречается в старорусских текстах — преимущественно галицко-волинского и западно-русского происхождения. Единичные примеры отмечены в «Александрии» Хронографической редакции (сп. XV в.), в «Истории Иудейской войны» (2х), по одному примеру — в Псковской 2-й и Псковской 3-й летописи по Строевскому списку, в «Сказании о князьях владимирских» и некоторых других¹². Чаще других авторов **єсмо** употребляет Андрей Курбский в своих письмах (наряду с **єсма** и **єма**). У Ивана Грозного **єсмо** встречается только в одном из писем — в Послании польскому королю Стефану Баторию 1579 года (4х), где, по-видимому, является стилизацией.

Источники

Бенешевич 1906–1907 — *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. Вып. 1–3. СПб., 1906–1907.

ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ДНД 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Дух. и дог. гр. 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Псков. обл. сл. 1–27- — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27-. СПб., 1967–2017-

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Хрест., 1–2 — *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1952; Ч. 2, вып. 1. М., 1949; Ч. 2, вып. 2. М., 1948.

¹² Поэтому неверно утверждение, что такие написания «в памятниках письменности не прослеживаются» [Горшкова, Хабургаев 1982: 292]. В то же время ошибочны все примеры написания *-мо* в формах глаголов 1 мн., приведенные в [Филин 1972: 467] для иллюстрации употребления этого окончания в древнерусских рукописях: формы **пѣкмо** в Изборнике 1073 г. (152а7) и **невѣроуѣкмо** в 13 Словах Григория Богослова (45а) представляют собой страдательные причастия ср. рода, а форма **прѣдстѣпакмо** в Успенском сборнике отсутствует.

Литература

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Перевод с франц. В.В. Бородич. М., 1952.

Горикова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1982.

Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1993.

Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 2-е, доп. М., 2007.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990.

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р.И. Аванесова и В.В. Иванова. М., 1982.

Костюхина Л.М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974.

Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144–170.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Ралева Ц. Наблюдения върху някои глаголни форми в Изборника от 1073 г. // Език и литература. 2013. № 1–2. С. 119–123.

Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. I–II. М., 1951–1952.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907. (Ре-принт. переизд.: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1. Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и коммент В.Б. Крысько. М., 2004.)

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. М.; Л., 1972.

Черных П.Я. О начале и характере формирования русского национального языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. №3. С. 130–142.

Kortland F. Toward a reconstruction of the Balto-Slavic verbal system // Lingua. 49 1979. P. 51–70.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*. Moscow, 1971.

Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya*. Moscow, 1953.

Raleva Ts. Nablyudeniya v"rkhu nyakoi glagolni formi v Izbornika ot 1073 g. *Ezik i literatura*. 2013. No 1–2. S. 119–123.

Selishchev A. M. *Staroslavjanskiy yazyk*. Ch. I–II. Moscow, 1951–1952.

Sobolevskiy A. I. *Lektsii po istorii russkogo yazyka*. Izd. 4-e. Moscow, 1907. (Reprint. pereizd.: Sobolevskiy A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. T. 1. *Ocherki iz istorii russkogo yazyka. Lektsii po istorii russkogo yazyka / Predisl. i komment V. B. Krys'ko*. Moscow, 2004.)

Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku*. Perevod s frants. V. V. Borodich. Moscow, 1952.

Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *vzglyad lingvista*. Izd. 2-e, dop. Moscow, 2007.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow, 2008.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'*. Moscow, 2014.